

Буржуазный мир доказал, что он в силах начать войну и увлечь за собою и массы народа, и значительную часть боровшейся против него демократии.

В силах ли буржуазный мир сохранить это положение и в ходе дальнейших событий, покажет будущее.

В России, где волна воинствующего национализма затопила и увлекла за собой разраставшуюся до того волну рабочего движения, положение демократии в настоящий момент таково.

Многие идейные представители рабочей демократии, как и народнической, оказались во власти воинствующих настроений. Организованная рабочая демократия, накладывающая свой отпечаток на массовое движение первой половины минувшего года, оттеснена со своих позиций. Свое отношение к нынешним событиям она смогла выразить только устами своих представителей в Государственной Думе.

И вот только это выступление рабочего представительства в Думе является светлым лучом, прорезавшим окутавший демократию туман военных настроений.

Разделенные прежними несогласиями две с.-д. фракции слились для такого выступления воедино. Этим слиянием дан действенный символ необходимости единения рабочей демократии России перед лицом надвигающихся событий.

Сибирское Обозрение. 1915. № 1. Стб. 35–44.

Подпись: *Квирильский*

Плеханов Г. В.

ЕЩЕ РАЗ О ВОЙНЕ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО БОЛГАРСКОМУ СОЦИАЛИСТУ

Der eigentliche Obskurantismus ist nicht, dass man die Ausbreitung des Wahren, Klaren, Nützlichen hindert, sondern, dass man das Falsche in Kurs bringt.

Goethe

Сан-Ремо, 8 мая (нового стиля) 1915 г.

С разных сторон на меня жестоко нападают за взгляды, высказанные мною в ответном письме к болгарскому товарищу З. П-ву, которое было напечатано отдельной брошюрой под заглавием «О войне». Вы знаете, что я вообще не избегаю горячих полемических схваток. Меня, наоборот, не раз упрекали в

слишком большой склонности к ним. Но я веду полемику только тогда, когда надеюсь, что из столкновений мнений брызнет истина. Если у меня нет такой надежды, я молчу, хотя это, может быть, «духу придает» нападающим на меня. Я не люблю тратить время на пустяки. Молчал я и на этот раз, потому что доводы, выдвинутые против меня моими противниками, были ниже всякой критики. Ознакомившись с ними, я мог только повторить про себя восклицание, вырвавшееся у Бебеля на Ганноверском съезде германской социал-демократической партии: «Es ist merkwürdig, wie wir das Denken verlernt zu haben scheinen». «Замечательно, как мы, по-видимому, разучились думать!»

Я не считал себя обязанным разбирать эти жалкие «доводы». Да и слишком противно; скажу больше: нравственно невозможно было бы мне препираться с ополчившимися против меня «неучами» и политическими недорослями, вести чернильную войну с лягушками (если употребить здесь образное выражение Белинского) в такое время, когда льются потоки крови, и может быть, надолго решается судьба цивилизованного мира вообще, и моей многострадальной родины – в частности. Я не нарушил бы молчания, если бы не ваше письмо ко мне. В нем я увидел вдумчивое отношение к предмету; в нем мне послышались мучительные вопросы. И я решил, что вам я обязан ответить. Но у меня на совести было целых две работы, не терпевших ни малейшего отлагательства. Поэтому мой ответ несколько запоздал. Простите.

Я думаю, что для взаимного понимания нам нужно установить некоторые общие положения международной политики пролетариата. С этой целью я позволю себе указать вам на некоторые факты и напомнить некоторые мысли.

I

Вплоть до самого объявления Германией войны России немецкая социал-демократия твердо и последовательно держалась того мнения, что ответственность за приближающуюся катастрофу падает на Вену и особенно на Берлин. Я уже указывал на это в своей брошюре «О войне». Теперь добавлю, что мое указание было недавно подтверждено Бернштейном.

Когда Австрия послала свой ультиматум Сербии, «Parteivorstand» германской соц.-дем. партии обнародовал воззвание, в котором осуждал «происки великосербских националистов»* с их беспримерным по своей грубости вызовом на войну (Kriegs-provokation).

«Сознающий свои классовые задачи пролетариат Германии, – говорилось в этом важном историческом документе, – пламенно протестует во имя человечности и культуры против преступных происков подстрекателей к войне. Он повелительно требует от германского правительства, чтобы оно воспользовалось своим влиянием на Австрию для сохранения мира, а если невозможно будет предупредить постыдную войну, то воздержалось от всякого участия

* Об этих «происках» см. ниже.

в ней. Ни одна капля крови немецкого солдата не должна быть принесена в жертву властолюбивым вождениям австрийских правителей и империалистическим стремлениям к наживе»^{*}.

Яснее выразаться невозможно.

Немецкая социал-демократия Австрии категорически утверждала, что интересы двуединой монархии могли быть защищены мирным путем. И что поэтому война отнюдь не представляет собою государственной необходимости^{**}. В ее воззвании не слышится, правда, того «пламенного» протеста, духом которого пропитано было воззвание германской социал-демократии^{***}, но, — как справедливо замечает Бернштейн, — после предъявления Австрией ультиматума Сербии австрийские социал-демократы уже лишены были возможности свободно выражать свои мысли^{****}.

Совершенно так же смотрели на тогдашнее положение дел социалисты других стран Западной Европы. Английский «Daily Citizen», в номере от 27-го июля говорил: «Мы решительно считаем Австрию нападающей стороной». Брюссельский «Peuple» говорил, что Франц-Иосиф заканчивает свое царствование очень плохим делом, которое вдобавок может оказаться и весьма невыгодным. «Мы могли бы, — заключает Бернштейн, — перебрать, одну за другою, все страны (Land auf Land durchnehmen), и везде мы нашли бы одно и то же. Социалисты всех стран были единодушны в страстном осуждении войны и в признании Австрии ее главной зачинщицей»^{****}.

Вы видите, товарищ, что если теперь мои «проницательные» противники ссылаются на полную невозможность решить, кем начата нынешняя война, то это объясняется именно их «проницательностью». Люди, избавленные от такой проницательности доброй матерью-природой, — социалисты всех стран, — прекрасно знали, по свидетельству Бернштейна, где находятся зачинщики. И конечно, совсем не нужно было быть, — как говорят французы, *grand clerc* (очень ученым), чтобы знать это: положение дел громко и ясно говорило само за себя.

Пойдем дальше. При указанном единодушии накануне общеевропейской войны можно было ожидать, что социалисты всех стран останутся единодушными и после того, как она разразится. Их единодушие спасло бы Второй Интернационал от гражданской войны, а его лучшие составные элементы от крайне тяжелых переживаний. Для этого социалистам всех стран нужно было только одно: действовать сообразно их собственному, твердо установленному и горячо высказанному убеждению в том, что война вызвана властолюбивыми

* Die Internationale der Arbeiter klasse und der europäische Krieg — von Eduard Bernstein. Tübingen, 1915. S. 11.

** Там же. С. 14.

*** Там же. С. 13.

**** Там же. С. 15.

вожделениями австро-германских правителей и корыстолюбивыми стремлениями австрийских и германских империалистов. Могли ли наши австрийские и германские товарищи оказать поддержку такой войне? Могли ли они участвовать в этом постыдном предприятии?

Я, — да и один ли я! — был глубоко убежден, что это для них психологически невозможно. Вышло другое. Германские социал-демократы охотно голосовали кредиты, необходимые для ведения «преступной войны», а немецко-австрийские, в одном из августовских номеров своего центрального органа «*Arbeiterzeitung*» провозгласили, что надо спасать «немецкое человечество». «Какой, с божьей помощью, поворот!»! Чем он был вызван?

За ответом опять обратимся к Бернштейну, по весьма понятной причине несравненно более склонному к тому, чтобы оправдывать свою партию, нежели к тому, чтобы обвинять ее.

Отметив, что в некоторых странах социал-демократы не голосовали за военные кредиты, он пускается по этому поводу в поучительные соображения. По его словам, ошибочно было бы умозаключить из указанного им факта, что левые партии в этих странах мужественнее, идеалистичнее и последовательнее, нежели немецкие и австрийские социал-демократы. Дело вполне объясняется разницей положений. «Когда голосуют большие партии или партии с большим парламентским влиянием, на них давит сознание связанной с таким влиянием практической ответственности. Им нельзя голосовать для демонстрации, как это легко могут позволить себе маленькие партии, вотум которых не имеет непосредственного влияния на ход дел. В этом заключается оборотная сторона увеличения парламентской силы партии»^{*}.

Мы с вами, товарищ, где-то уже встречали подобные рассуждения. Дай бог памяти... Ах, да! В Пушкинской «Русалке».

«Что делать? Сама ты рассуди. Князя не вольны, // как девицы: не по сердцу они // себе подруг берут, а по расчетам...»

Теперь все ясно. Теперь мы понимаем, почему германские и австрийские социал-демократы повели себя в нынешнюю войну не так, как Вильгельм Либкнехт и Август Бебель во время войны 1870–1871 гг. «Князя не вольны, как девицы...», виноват — большие партии не вольны, как маленькие. Социал-демократия стала большой партией в Германии и Австрии, и вот ей приходится рассудку сердце подчинять. «В этом заключается обратная сторона увеличения парламентской силы партии», прибавляет Бернштейн в утешение своим читателям.

Печальное утешение! Подумайте только, товарищ!

При прочих равных условиях парламентское влияние социал-демократической партии увеличивается пропорционально росту ее организованных сил. Но если рост ее организованных сил неизбежно приводит к тому, что она

^{*} Там же. С. 39–40.

лишается возможности сохранить верность своим собственным принципам, то стоит ли заботиться о том, чтобы росли ее силы? Не лучше ли ей оставаться «маленькой»? Похоже на то, что — лучше! А с другой стороны, не подлежит сомнению, что, оставаясь «маленькой», социал-демократия никогда не осуществит своих принципов. Поистине безвыходное положение: нос вытащишь, хвост увязнет! Неужели правы анархисты, без устали твердившие и твердящие нам, что социалист, выступивший на путь парламентской деятельности, тем самым раз навсегда отказался от прежней тактики.

II

Анархисты ошибаются! Выступление социалистов на путь парламентской деятельности само по себе еще вовсе не равносильно отказу их от тактики. Но они должны помнить, что не человек для субботы, а суббота для человека; не социализм для парламентской деятельности, а парламентская деятельность для социализма. Деятельность эта есть лишь одно из средств, способствующих достижению конечной цели международного социализма. Кто ставит это средство выше этой цели, тот, в сущности, перестает быть социалистом. Но кто же ставил средство выше цели? Тот же Бернштейн, возвестивший нам, с высоты своей позиции «ревизиониста», что движение — все, а конечная цель — ничто. Вот почему я и сказал в своей брошюре, что вотум германской социал-демократической фракции означал победу правого крыла германской с.-д. партии над ее левым крылом, т. е. Бернштейна над Каутским. С тех пор до меня дошел слух, что сам Каутский одобрил этот вотум. Если это и правда, то это все-таки ничего не изменяет: Каутский прошел под ярмом победителя, — и только.

Сказанное мною о парламентской деятельности относится и к организации. Нелепо и даже преступно пренебрегать ею. Она, безусловно, необходима для осуществления нашей конечной цели. Но и она не более как средство. Дорожить ею больше, нежели целью, может только тот, для кого конечная цель уже есть «ничто», т. е. опять только «ревизионист».

Брат императора Николая, Константин, бывший некогда наместником Польши, страстно любил военные упражнения. Но он упорно добивался того, чтобы польская армия* не принимала участия в войне (1828 г.) России с Турцией. Один французский историк приписывает ему фразу: «je déteste la guerre, elle gâte les armées». («Я терпеть не могу войну, она портит войска»). Германские «ревизионисты» терпеть не могут решительных выступлений, которые грозят расстроить партийную организацию и ослабить парламентское влияние партии. И когда пришла пора употребить в дело огромные силы германской социал-демократической армии, «они добились того, чтобы силы эти

* В «Конгрессовке» была тогда армия, отдельная от русской.

в поход не выступали. «Je déteste la guerre, elle gâte les armées». По-своему эти господа вполне правы!* Но, конечно, только по-своему.

Передо мною лежит письмо, написанное одним немецким ветераном международного социализма. Этот ветеран находит, что социал-демократы Германии сделали далеко не все то, что могли и должны были сделать для предупреждения войны. «Разумеется, — говорит он, — в такой момент немногого можно было добиться обычными резолюциями в закрытых помещениях. Надо было выходить на улицу. Германская армия на одну треть состоит из социал-демократов, и правительство поостереглось бы начинать войну на два фронта, если бы социал-демократия решила бороться против войны всеми средствами». Такая борьба потребовала бы тяжелых и, вероятно, кровавых жертв. «Но что значили бы, — спрашивает социал-демократический ветеран, — сотни славных потерь в сравнении с тысячами, приносимыми теперь в жертву германскому империализму на полях сражений с русскими и французами?»

Как видите, в письме речь идет лишь о тысячах жертв, приносимых Молоху империализма: оно было написано в самом начале войны. Теперь число этих жертв, по весьма умеренной оценке, превышает миллион. Теперь кровь германского пролетариата льется широкой и глубокой рекою. И теперь еще более уместным становится вопрос: что значат, в сравнении с этими бесчисленными жертвами, те славные потери, которые понесла бы германская социал-демократия, решительно объявив героическую пролетарскую войну «постыдной войне», затеянной австро-германскими империалистами?

III

«Je déteste la guerre, elle gâte les armées»! Наши германские товарищи испугались того, что решительная «война войне» испортит их собственную армию. Это неоспоримо. Но все ли объясняется этим? Впрочем, вопрос надо поставить иначе: почему наши германские товарищи боялись, что решительная «война войне» испортит их армию? Только ли потому, что такая война потребовала бы от них кровавых жертв и повела бы к распусшению «именем закона» их организации?

Нет!

Была еще другая причина.

Руководящие круги германской социал-демократии побоялись также того, что в решительной войне против войны откажется принять участие весьма значительное число организованных германских рабочих. Этого опасения, — в

* Ради беспристрастия прибавлю, однако, что еще до появления «ревизионизма» наши германские товарищи избегали праздновать, как следовало, первое мая. Они боялись, что, прекращая работу в этот день, германский пролетариат рискует расстроить свои организации.

связи со страхом перед кровавыми жертвами и распусчением организации, — оказалось достаточно для того, чтобы они оставили всякую мысль о ведении войны с войною и решили принять деятельное участие, не токмо за страх, но и за совесть, в войне с Россией, Францией, а прежде всего с Бельгией. Это их решение приукрашено было тем доводом, что германский пролетариат не может не участвовать в борьбе с русскою реакцией. Как ничтожна была ценность этого довода, видно из следующего рассуждения социал-демократического «Hamburger Echo».

Как говорит эта газета, борьба с русской реакцией заслуживает всякого уважения; но нельзя звать немецкий пролетариат на войну ради такой политико-идеологической (politisch ideologische) цели, как низвержение чужой реакции: «Нам слишком дорога кровь наших немецких земляков (unserer deutschen Volksgenossen). Пароль: “против московщины” может сделать эту войну более симпатичной для нас, но не может ее санкционировать». Кровь ее германских земляков всегда была так дорога немецкой социал-демократии, что она даже в самой Германии всегда очень старательно избегала решительных выступлений против политических пережитков старины (например, в Пруссии). Поэтому только совсем наивные люди могли придавать значение доводу от борьбы с русской реакцией*.

Несколько труднее было оценить истинное значение довода от «национальной самозащиты». Выдвигая этот последний довод, германские социал-демократы ссылались на Бебеля и на Либкнехта. Оба они в самом деле не раз категорически заявляли, что социал-демократы нравственно обязаны защищать свое отечество. Известный Домела Ньевенгайс, благополучно прибывший впоследствии в гавань анархизма, называл их за это — например, на цюрихском международном социалистическом съезде, — социал-патриотами**. Однако имеют ли право ссылаться на пример Бебеля и Либкнехта те, которые стараются оправдать нынешнее поведение германской социал-демократии?

Ни самонадеянность! Я не хочу снова напоминать о том, что как бы ни был велик «социал-патриотизм» Бебеля и Либкнехта, оба они отказались голосовать за военные кредиты в 1870 г. Я готов временно допустить, что это обстоятельство не имеет решающего значения, так как может быть объяснено переходящими условиями тогдашней эпохи (например, как думает Бернштейн, тем, что партия Либкнехта—Бебеля была тогда «маленькой»). Я укажу на другое.

На Эрфуртском съезде германской (тогда уже довольно-таки большой) партии Либкнехт был атакован так называвшимися «молодыми», обвинявшими его в шовинизме. И вот что ответил он, между прочим, на их нападки:

* «Leipziger Volkszeitung» еще в номере от 3-го августа прошлого года разоблачала лживость подобной фразеологии, которую стала эксплуатировать военная партия. См. лондонскую «Justice» от 27-го августа 1914 г.

** Обращаю на это обстоятельство внимание моих бдительных противников в вопросе о войне, делающих мне тот же самый упрек.

«Говорят, я сказал, что если на нас нападут, если нужно будет сражаться для отражения неприятеля, то мы готовы защищать отечество. О, конечно, я заявлял это не один раз; это само собой разумеется; каждый из нас поступит так... Разве наш собственный интерес не побудит нас прогнать всякого, кто вторгнется в нашу страну, как прогнали бы мы грабителя, который ворвался бы в наш дом (непростительный социал-патриотизм!; непостижимо, почему наши обскуранты, «спасающие Интернационал», до сих пор не предали анафеме память Либкнехта. – Г. П.). Но я всегда прибавлял к этим своим заявлениям, что война должна быть необходима, справедлива. И не всякая формально оборонительная война является такою в действительности. Нередко тот, кто делает вид, что защищается, на самом деле нападает»*.

Нет истины, которой нельзя было бы воспользоваться в целях софистики. Зная это, Либкнехт предупредил своих слушателей насчет возможных злоупотреблений понятием «национальная самооборона». Но этим он сделал свою мысль еще более ясной: «Мы нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается нападению, или, другими словами, если она ведет необходимую, справедливую войну». И эту мысль Либкнехта хорошо поняли по крайней мере некоторые из немецких товарищей, пытающихся теперь оправдать свое поведение его примером. В указанной мною выше статье «Hamburger Echo» прямо говорится, что участие германских социал-демократов в нынешней войне может быть санкционировано только тем, что она имеет оборонительный характер и ведется за самое существование страны (für unsere bedrohte Existenz).

Разумеется, это совсем ненадежная «санкция», так как германский соц.-демократический Parteivorstand заранее потрудился разъяснить нам происхождение и истинный характер «постыдной войны», начатой ради властолюбивых вожделений австрийских правителей и ради империалистической жажды наживы. Если война из постыдной вдруг превратилась в справедливую оборонительную войну после того, как была объявлена, то яснее ясного, что дело тут не в ее характере, а в тех «расчетах», которым должны подчинять свое сердце князья при выборе невест и, – если верить Бернштейну, – большие социалистические партии... при парламентских голосованиях.

И заметьте, товарищ: война считалась постыдной тогда, когда Бельгия еще не подвергалась нападению со стороны Германии, и была признана справедливой оборонительной войною (см. речь Гаазе в заседании рейхстага 4-го авг.) после того, как германское правительство самым циничным образом попрало права бельгийского народа. И т. Гаазе счел возможным оправдывать действия германского правительства тем, что, по признанию Интернационала, каждый народ имеет право на существование...

* Не имея под руками протокола Эрфуртского съезда, цитирую по книге: Мильо Э. La démocratie socialiste allemande. Paris, 1903. P. 269.

Как известно, лицемерие есть первая уступка, делаемая пороком добродетели. Стараясь «санкционировать» нынешнее поведение германской социал-демократии будто бы оборонительным (для Германии) характером войны, «Hamburger Echo» и т[ов]. Гаазе тем самым признают, что только в оборонительной войне позволено и даже обязательно деятельное участие сознательных пролетариев. И тут они вполне правы.

IV

Мне писали, что один мой противник (из самых «видных»!), читая реферат о войне на собрании русской колонии в Женеве, воскликнул: под влиянием войны старый материалист Плеханов сделался идеалистом; он взывает теперь к законам нравственности и права. «По человечеству» мне не хочется думать, что мой «видный» противник окончательно сделался обскурантом (в гетевском смысле). Я предполагаю, что его не так поняли. Но как бы там ни было, а факт тот, что, будучи материалистом, я в своих рассуждениях о политике сознательного пролетариата считаю с нравственностью и правом; и к тому же полагаю, что нам, марксистам, никак нельзя не считаться с ними.

Уже первый манифест Первого Интернационала, — написанный Марксом, — ставил рабочим на вид, что они должны проникать в тайны международного государственного искусства и наблюдать за дипломатическими подвохами правительства. В случае нужды рабочим надо бороться против них всеми возможными средствами. Если рабочие не могут предупредить тот или другой дипломатический сюрприз, то им следует единодушно одновременно и открыто протестовать против него. Далее манифест говорил, что простые законы нравственности и права, которыми определяются взаимные сношения отдельных лиц, должны также стать высшими законами, определяющими взаимные отношения народов.

Как видно, автор манифеста хотел, чтобы это его указание на право и нравственность явилось заключительным аккордом его призыва рабочих к объединению.

«Борьба за такую внешнюю политику, — читаем мы в последних строках манифеста, — составляет одну из частей общей борьбы за освобождение рабочего класса. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Г[осп]. А. Луначарский, передавая в одной из женевских корреспонденций свой разговор с Роменом Ролланом, сообщал, что знаменитый писатель отметил перед ним следующую отрицательную сторону социалистической пропаганды:

«Мне кажется, что некоторые, безусловно, передовые группы человечества, недооценивают понятия права и значения правового чувства. Рабочему классу часто внушают мысль, что и касающиеся его вопросы будут разрублены силой организации, и только. Организованные массы, сгруппировавшиеся вокруг знамени своего интереса и не думающие апеллировать к обветшалой

идеологии всякого там права, кажутся или казались некоторым достаточным фундаментом для коренной реформы жизни человечества... Я думаю... что великий грех совершен теми, кто старался подкопать и сгладить этическую сторону социального вопроса»^{*}.

Если бы Р. Роллан был лучше знаком с литературой новейшего социализма, он знал бы, что в указанном им тяжком грехе нельзя упрекнуть ни материалиста Маркса, ни тех его последователей, которые правильно поняли материалистическое объяснение истории. И он, может быть, добавил бы, что этическая сторона социального вопроса подкапывалась и сглаживалась на деле именно теми псевдосоциалистическими «критиками Маркса», которые на словах огорчались мнимым невниманием марксистов к «нравственному фактору».

Маркс уже по одному тому не мог пренебрегать этим «фактором», что был в числе основателей Интернационала.

Определивши великую цель рабочего движения (экономическое освобождение пролетариата), цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство, написанный Марксом устав Интернационала говорит, что «все стремления рабочих к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными вследствие недостатка единодушия между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран». И что «освобождение рабочих является не местной только или национальной задачей, но, напротив, затрагивает интересы всех цивилизованных наций и может быть достигнуто только их теоретическим и практическим содействием друг другу»^{**}.

Но для того чтобы стало возможным это содействие; для того чтобы в реальной жизни, – а не только в благородной мечте, – возник братский союз между рабочими различных стран, необходимо признание всемирным пролетариатом тех «простых законов нравственности и права», упоминанием о которых многозначительно заканчивается первый манифест Интернационала.

V

Вы знаете, что я не кантианец и не люблю опираться на Канта. Но когда речь заходит о простых законах нравственности и права, нельзя иногда не вспомнить и об авторе «Критики практического разума».

«Во всем творении все, что угодно и для чего угодно, имеет значение *только как средство*; но человек... *есть цель в себе самом*, – говорит Кант, – это имен-

^{*} Киевская Мысль. 1915. 14 марта. № 73.

^{**} Коммунистический Манифест указывал на это еще в начале 1848 г.: «Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата».

но субъект морального закона, который свят в силу автономии своей свободы. Именно поэтому... каждое лицо ограничивает свою собственную, на самое себя направленную волю условиями соответствия ее с *автономией* разумного существа, а именно тем, что не подчиняется никакой цели, которая была бы невозможна по закону, какой мог бы возникнуть из воли самого субъекта; следовательно, она никогда не пользуется этим субъектом как средством, но всегда смотрит на него как на цель»^{*}.

Вот нравственный закон, до признания которого постепенно возвышается современное цивилизованное человечество. Им оправдывается, во-первых, борьба пролетариата отдельных стран за свое освобождение от ига капитала, третирующего рабочих не как самоцель, а как средство. И в то же время он содержит в себе основное правило «внешней политики пролетариата»: ни один народ не должен рассматриваться другими народами как средство; каждый народ должен рассматриваться как самоцель. Другими словами: каждый народ имеет право на самоопределение.

Буржуазия, провозгласившая этот нравственный закон устами своих благороднейших мыслителей^{**}, постоянно нарушала его на практике. Она побуждалась к его разрушению своим жизненным экономическим интересом. Наоборот, жизненный экономический интерес пролетариата побуждает его к признанию этого нравственного закона. И не только в том смысле, что для него освободить себя от ига капитала значит перестать быть третируемым как средство, но также и в том, что он не может освободить себя от ига капитала, не признав права каждого народа на самоопределение. Необходимое для свержения этого ига объединение пролетариев всех стран становится возможным только в той мере, в какой они признают право каждого отдельного народа на самоопределение. Признание этого права международным пролетариатом составляет необходимое предварительное, – психологическое и политическое, – условие социалистической революции. Больше того. Пока это право не признано им, он сам не существует как сознательная международная сила, до тех пор рабочие каждой отдельной страны идут во внешней политике за буржуазией и до тех пор народ народу – волк!

Немецкие профессора и доценты любят читать «фортраги» на тему «Кант и Маркс». Но ни один из них не прочел фортрага о том, как соединила экономика новейших обществ рекомендованную Марксом «внешнюю политику пролетариата» с нравственным законом Канта. По-видимому, Р. Роллан тоже не отдает себе отчета в роковой необходимости этого соединения!

Только тот, кто держится точки зрения сознательного международного пролетариата, имеет право сказать о себе: «человек есмь, и ничто человеческое

^{*} Кант И. Критика практического разума. Перевод Н. М. Соколова. СПб., 1897. С. 105. Разрядка в подлиннике [у нас – курсив. – Ред.].

^{**} Деятельность этих благородных мыслителей относится к тому времени, когда буржуазия боролась за свое освобождение.

не чуждо мне». Только в его глазах понятие «отечество» не заслоняет собою понятия «человечество».

Идеологи нынешней буржуазии говорят «right or wrong, my country». В вольном переводе это значит: «права или не права моя страна, я иду с нею». Последовательные идеологи пролетариата находят, что это слишком узко. Дорожа интересами своей страны, они не приносят им в жертву интересов человечества. Вот почему Либкнехт и сказал, что он будет с оружием в руках защищать свою родину, если она ведет справедливую войну, т. е. если она обороняет свои права, а не нарушает чужие. Этим он показал свою верность заветам Интернационала, строго различавшего самооборону народа от его нападения на другой народ*.

Теперь в некоторых социалистических кругах замечается склонность пренебрегать этим различием. Недавно английская «Независимая Рабочая Партия» сделала на своем съезде такое постановление:

«Социалисты всех стран должны уговориться, что отныне социалистические партии будут отказывать в поддержке всякой войне, каков бы ни был ее внешний характер, хотя бы номинально то была война оборонительная»**.

Это темно. А если война – оборонительная не только «номинально»? Ответа нет. Речь председателя съезда Джоуэта дает основание думать, что участие социалистов в войне оборонительной по существу дела было бы одобрено Нез. Раб. Партией. С другой стороны, можно думать, что некоторые члены этой партии «не приемлют» войны ни в каком случае. Очевидно, именно их имеют в виду те «антипатриоты» европейского материка, которые кричат, что независимая партия крепче всех других держится заветов Интернационала.

После сказанного мною выше о том, как относился Интернационал к оборонительной (по существу) войне, излишне повторять, что, безусловно, неприемлющие войны члены Независ. Раб. Партии не спасают заветов Интернационала, а, напротив, изменяют им. Они несравненно ближе к точке зрения Л. Толстого, чем к воззрениям Маркса.

Толстой уверял, что не стал бы противиться злу насилием даже в том случае, если бы зулус на его глазах убивал его ребенка. Толстой отрицал насилие и войну во всяком случае. Но к лицу ли социалистам следовать примеру Толстого? That is the question.

Впрочем, не один Толстой отвергал войну quand même. На цюрихском международном съезде Домела Ньевенгайс требовал, чтобы в случае войны социалисты соответствующих стран объявили военную стачку. В качестве

* Такое различие сделано, например, в написанном Марксом Манифесте Генерального Совета от 23 июля 1870 г. (Die Internationale von G. Jaekh. S. 101). Оно же играет большую роль в манифесте брауншвейгского Ausschuss'a эйзенахской партии от 6-го сентября того же года (указ. соч. С. 102). Этот манифест тоже вышел из-под пера Маркса.

** Парижские Новости. № 212.

докладчика военной комиссии я решительно отверг предложение Домелы. В числе моих доводов был один, который я позволю себе привести здесь.

Я говорил: вообразите, что вспыхнула война между двумя странами, в одной из которых влияние социалистов очень сильно, а в другой – очень слабо. Что выйдет, если социалисты сделают удачную военную стачку? Мощь в той стране, в которой очень сильны социалисты, будет уничтожена. Наоборот, военная мощь той страны, в которой социалисты очень слабы, останется непоколебленной. При прочих равных условиях победит эта вторая страна*.

Я спросил бы «крайних левых» членов «Незав. Рабоч. Партии»: всегда ли выгодно для дела международного социализма победа той страны, в которой социалистическая партия очень слаба, над той, в которой она очень сильна? Думаю, что далеко не всегда. А если не всегда, то не рискуют ли социалисты, делающие военную стачку, оказаться в неприятном положении людей, шедших в одну комнату и попавших в другую? Не рискуют ли они оказать огромную, незаменимую услугу тому самому милитаризму, с которым они хотят бороться?

Мы должны восставать против эксплуатации одного народа другим, как восстаем против эксплуатации трудящейся массы господствующими классами.

Эксплуататор угнетает, следовательно, нападает; эксплуатируемый стремится освободить себя от угнетения; следовательно, – обороняется.

Как же не различать самообороны от нападения?

Фейербах говорил: «*Vulgus non distinguit*». Я советую моим противникам почаще вспоминать эти слова немецкого материалиста.

Дальше. Вообще говоря, международному социализму невыгодно поражение той страны, в которой очень сильна его партия. Однако есть условие, при котором социалисты всех стран, безусловно, должны приветствовать военную неудачу такой страны: если война затеяна этой страной ради подчинения и эксплуатации страны (или стран) менее развитой (развитых) в экономическом отношении.

Мы все, – за весьма понятным исключением некоторых немецких соц.-дем. оппортунистов, – желали поражения Англии в ее войне с бурами. И никто из нас, – опять за указанным исключением, – никогда не желал успеха капиталистическим странам в их военных столкновениях с туземцами их колоний. Мы не подражали примеру фейербаховского *vulgus*'а. Мы различали.

VI

Теперь перехожу к вашему письму, т. Н-нов.

В лице какого-то Невского издающаяся в Америке русская газетка «Новый Мир» с большим огорчением поведала своим читателям, что я сделал непро-

* См. мою статью: «*La question militaire au congrès de Zürich*» в одном из осенних номеров, – не помню, в каком именно, – парижской «*Ere Nouvelle*» за 1893 г.

стительную ошибку. Я, изволите ли видеть, «забыл или не понял, что на известной стадии своего развития капитализм не может мириться с теми государственными рамками, которые им же созданы на заре своей истории, а стремится к мировому господству, и что войны современных государств – будь то страны Тройственного (ныне двойственного) союза или Тройственного соглашения, безразлично, – суть войны империалистические»*.

Огорченная газетка, подобно *Vulgus'y, non distinguit*. Она убеждена, что в империалистических войнах нет ни правых, ни виноватых. Я не ответил на выходку полуграмотного листка. Но ваше письмо, товарищ Н-нов, свидетельствует о том, что вы умеете мыслить. И я тем более удивился, неожиданно встретивши в нем странный логический промах.

Вы приводите то место моей брошюры, где говорится, что поражение России Германией повело бы к обеднению источника всех наших освободительных стремлений, так как замедлило бы экономическое развитие нашей родины.

Вы сопоставляете это место с той, – у меня же изложенной, – мыслью Л. Франка, что победа Германии принесла бы ей пользу в экономическом отношении. И основательно предполагая, что тут я согласен с Франком, вы умозаключаете:

«А если это так, то, забыв на минуту вопросы нравственности и права, отнесясь на минуту от интернациональной точки зрения в пользу национальной, надо согласиться, что пролетариат каждой данной нации или страны заинтересован в успехе империализма на родине». По-моему, от международной точки зрения нам, марксистам, нельзя отвлекаться даже на минуту. И точно так же ни на одно мгновение мы не можем забывать о вопросах нравственности и права. Это очень важно. Но я пока оставляю это в стороне. Сейчас для меня главное не в этом.

Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма, и никогда этого не думал. А убежден, что он заинтересован лишь в одном: чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов. А это, согласитесь, нечто совсем другое.

Недавно один французский литератор, хорошо ознакомившийся с содержанием моей брошюры, написал о ней заметку, в которой, очень одобряя страницы, посвященные мною теперешней тактике германской социал-демократии, заметил, однако, что я сам перехожу на точку зрения наших бывших немецких товарищей, как только принимаюсь определять задачу русских социал-демократов.

Я довольно долго недоумевал, каким чудом пришло это в голову моему французскому критику. Ведь в моей брошюре, – текст которой очень хорошо известен ему, – прямо сказано, что я сочувствую своей родине, когда она подвергается нападению, и не сочувствую ей, когда она нападает.

* Корреспонденция из Парижа в одном из декабрьских номеров.

Потом я понял, однако, где коренится ошибка моего почтенного критика.

Он – образованный и свободомыслящий человек. Но он не марксист. Он не привык обращаться с нашими понятиями и с нашей терминологией. Для него гораздо более привычны понятия и термины, связанные с теми освободительными движениями, которые предшествовали движению социалистического пролетариата.

А понятия и термины, связанные с освободительными движениями, предшествовавшими сознательной пролетарской борьбе, были, как вы знаете, ярко окрашены цветом идеализма. Само собой разумеется, что общественные движения всегда и везде имели под собою экономическую основу. Но прежде экономическая основа освободительных движений плохо сознавалась наиболее передовыми людьми, которые нередко бывали в этом отношении менее проницательны, нежели сравнительно отсталые*. Передовым людям казалось тогда, что если они участвуют в освободительном движении своего времени, то вовсе не ради чьего-нибудь экономического интереса, а единственно для защиты истины и справедливости. Кто заговаривал с ними об экономике, того они считали «грубым материалистом». Они не хотели, да и не умели различать, о каком именно экономическом интересе толкуют люди, подозреваемые ими в «грубом материализме»: об интересах эксплуататоров или же об интересе эксплуатируемых. Им казалось, что в сущности это все равно. В привычном для них круге понятий борьба за экономический интерес была несоединима с борьбой за истину и справедливость. Этим и объясняется то общеизвестное явление, что нередко даже люди, полные самых благородных стремлений к общественному благу, не одобряют программы нынешнего социалистического пролетариата, пока сохраняют старые идеалистические понятия, пока не умеют связать экономику со справедливостью. Правильное понимание нынешнего социализма доступно только людям, усвоившим себе материалистическое объяснение истории.

Как ни талантлив и как ни сведущ мой французский критик, я не имею основания считать его «историческим материалистом». Поэтому я не должен удивляться и тому, что он отождествил мою точку зрения с точкой зрения покойного Л. Франка. Он рассуждает совсем не так, как рассуждаем, – когда мыслим последовательно, – мы, марксисты. Он слышит, что я, подобно Л. Франку, говорю об условиях экономического развития своей страны, и решает, что мы с покойником – одного поля ягода. Я вижу теперь, что это для него естественно.

Но вы – марксист, т. Н-ов. Как же вы могли хотя бы только «на минуту» упустить из виду, что одно дело – экономический интерес эксплуататора, а другое дело – экономический интерес эксплуатируемого?

* Для примера можно было бы сопоставить взгляды французских социалистов-утопистов со взглядами Гизо. Но это завело бы меня слишком далеко. (См. мое предисловие ко второму изданию моего перевода «Манифест Коммунистической Партии».)

Неужели вы думаете, что если возможна экономическая эксплуатация одного класса другим, то экономическая эксплуатация одной страны другою принадлежит к области вымысла?

На всякий случай позвольте мне напомнить вам, в чем состоит природа современного империализма.

VII

«Каждое здоровое государство... нуждается в расширении пределов, главным образом вследствие переизбытка населения и промышленного перепроизводства. Оно должно иметь под своим неограниченным влиянием соответствующую его величине область меньшего культурного развития, куда оно могло бы сбывать беспощинно и без конкуренции перепроизводство своей промышленности, откуда оно также беспощинно и дешево получало бы сырье».

Это писал года два тому назад один австрийский империалист, выступающий под псевдонимом: «Кассандер» (Кассандра). Применяя к Австрии это свое общее теоретическое положение, вещая дева рассуждала так: «Мы имеем огромную необходимость в вывозе, но мы ничего не делаем, чтобы сделать возможным этот вывоз». Что же собственно следует предпринять? Хорошо было бы завести колонии; но так как «ни одной заморской колонии получить уже нельзя», то надо воспользоваться тем, что «положила у наших дверей благоприятствующая нам судьба». А положила она Балканы. Австрия имеет полную возможность и должна приобрести господство на Балканах. Она совершает большую ошибку, безучастно смотря на то, как растет на ее южной границе Велико-Сербское государство. Она должна всеми мерами и всеми силами готовиться к войне. «Дайте ружье в руки отрока и вооружите старца! – вопила Кассандра. – Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда наступит день решения! Наша политика должна удержать врагов еще на 2–3 года, пока мы не будем готовы и не сможем крикнуть: Балканы нужны нам, и мы их возьмем, а кто станет нам поперек дороги, того мы отправим домой с окровавленной головой!»*

Австрийская Кассандра недурно понимает природу современного империализма. В своем взгляде на него она вполне сходится с нами, марксистами. Вы, вероятно, знаете сделанное Каутским определение империализма:

«Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической на-

* Русский перевод этой статьи Кассандры появился в журнале «Военное дело за границей». 1914. Кн. за март–апрель. Ее содержание подробно передано в «Ежемесячном Журнале». 1914. Август–сентябрь в статье А. М. «Австриец о задачах австрийского империализма».

ции подчинять и присоединять к себе все большую и большую аграрную область, не считаясь с тем, какие нации ее населяют*.

Австрия, разумеется, не считалась с интересами сербского народа. Она повиновалась только властолюбию своих правителей и корыстолюбию своих империалистов. Победа Австрии, окончательно подчинив австрийской эксплуатации Сербию, замедлила бы экономическое развитие этой последней. И было бы вполне естественно, если бы сознательные элементы сербской трудящейся массы сказали: «Мы всеми силами будем защищать нашу страну, потому что замедление экономического ее развития вредно отразится на всем ходе его политического и вообще культурного развития. И слыша это, никто не имел бы права утверждать, что сознательные элементы сербского населения сами перешли на точку зрения австрийских империалистов.

Еще раз: точка зрения того, кто стремится эксплуатировать, прямо противоположна точке зрения того, кто стремится сбросить с себя иго эксплуатации. Это должно быть ясно даже для Невского.

Резолюция Базельского международного социалистического съезда 1912 г. гласит:

«Социал-демократические партии Австрии, Венгрии, Кроации и Славонии, Боснии и Герцеговины обязаны со всей энергией продолжать свою борьбу против нападения придунайской монархии на Сербию. Их задача заключается в том, чтобы и впредь бороться против плана – силою оружия лишить Сербию результатов войны, превратить ее в австрийскую колонию» и т. д.

Базельская резолюция была подписана также и делегатами Австро-Венгрии. Они забыли о ней, когда – благодаря той же Австро-Венгрии и Германии, – началась нынешняя война. Но мне хочется думать, что вы, товарищ, не так забывчивы.

Я знаю, что сербские социал-демократические депутаты отказались голосовать за военные кредиты. Но ниоткуда не следует, что эти наши товарищи не способны заблуждаться. Их вотум можно признать правильным лишь при одном предположении: если он выражал их уверенность в неспособности сербского королевского правительства защитить страну от австрийского нашествия. Если же он был им подсказан тем убеждением, что социалисты никогда не должны быть за войну, то они жестоко ошиблись.

В данном случае право было на стороне их отечества.

Но, – твердят мои противники, – защищая свою страну, социалисты идут с ее господствующими классами. Жалкий аргумент! Отказавшись защищать свою страну, социалисты ослабят ее силу сопротивления неприятелю, т. е. служат службу господствующим классам нападающего государства.

И тут и там – одно и то же зло. Социалистам остается только выбирать наименьшее.

* Neue Zeit. XXXII 2. S. 909. Ср. также брошюру Каутского: «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund». Nürnberg, 1915. S. 15.

Само собой ясно, что для сербских социалистов наименьшим злом было сотрудничество с господствующими классами своей собственной страны в деле защиты ее от несправедливого нападения Австро-Венгрии.

Толкуют также о «происках великосербских патриотов». Вы помните, товарищ, что «происки» эти «осуждены» были в воззваниях германской и австро-немецкой социал-демократии, в воззваниях по поводу готовившейся войны. Я согласен, что в интересах общеевропейского мира можно было осудить эти «происки». Но теперь, когда война уже ведется, пора бы вспомнить, что в происках этих выражается стремление сербского народа к объединению и что в принципе мы, социалисты, должны сочувствовать такому стремлению, а не осуждать его. Указывают еще на убийство австрийского эрцгерцога. Я никогда не был террористом. Но я не вижу, почему мы должны были бы огорчаться смертью этого наследника австрийского престола.

Да и кто не знает теперь, что его убийство было не причиной войны, а лишь предлогом к ее объявлению? В итальянском парламенте Джиолитти во всеуслышание рассказал, что уже в 1913 г., когда эрцгерцог был здоровехонек, Австро-Венгрия осведомлялась, поддержит ли ее Италия в замышленном ею нападении на Сербию. Италия отказалась, сославшись на то, что, по смыслу Тройственного союза, она обязана была поддерживать Австрию и Германию в оборонительных, а не в наступательных войнах. Из этого видно, замечу мимоходом, что итальянское правительство гораздо проницательнее многих наших товарищей, которые, по собственному признанию, не видят, где нападение и где оборона. Ох, слепота – большой порок!

За Австро-Венгрией стояла Германия, добивавшаяся экономического господства в Турции и особенно в Малой Азии. Сербия загораживает ей дорогу к этой ее цели. Германским империалистам нужно было (посредственно или непосредственно) наложить руку на ту часть железного пути: Берлин – Багдад, который проходит через Сербию. Достаточно взглянуть на карту Балканского полуострова, чтобы понять, откуда нынешняя война. Правда, общеевропейской войны все-таки не было бы, если бы Россия не ополчилась на защиту Сербии. С точки зрения общих интересов европейской цивилизации было бы, пожалуй, лучше, если бы Россия осталась спокойной. Но это чисто утилитарное соображение не должно нас ослеплять. Бернштейн говорит в своей брошюре: «*Was Russland für Serbien verlangte deckte sich so ziemlich mit den Forderungen der Internationale der Sozialdemokratie*» (то, чего Россия требовала для Сербии, почти совсем совпадало с требованиями социал-демократического Интернационала)*. Это как нельзя более верно. Россия требовала международного третейского суда, которого требуют едва ли не все социал-демократические программы. И Сербия выразила полную готовность подчиниться такому суду. Но Бернштейн прибавляет, что, когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же. Опять правильно: не одно и то же. Потому

* Die Internationale. S. 15.

это не одно и то же – и сами говорящие. Но какое же значение могло иметь это в рассматриваемом случае? Конечно, Российская империя – не одно и то же с социал-демократическим Интернационалом. А разве Австро-Венгерская и Германская империи одно и то же с ним? Только сумасшедший может вообразить, что мы живем в социалистическом обществе. Но ведь требование международного третейского суда входит в программу-минимум соц.-дем. Интернационала, т. е. предъявляется им к нынешнему обществу. А если это так, то он обязан был поддержать «то, чего Россия требовала для Сербии».

VIII

Тут опять начинается сказка о белом бычке: борьба с царизмом, русская опасность для Европы и проч.

Мы уже знаем, что именно наиболее воинственные соц.-демократы Германии, – вроде тех, которые пишут в «Hamburger Echo», – сами не признают решающего значения за доводом от борьбы с царизмом. А что касается Европы, то современный германский промышленный империализм несравненно опаснее для нее теперь, нежели ветхозаветный – русский. Австрия стала колебаться. Передача ее спора с Сербией на решение третейского суда сделалась возможной. Германия, не хотевшая мира, поспешила объявить войну России. Тогда-то и произошло то, чего не ожидал никто из нас. Наши немецкие товарищи сказали себе, подобно карабинерам во французской оперетке: *c'est le moment de nous montrer, cachons nous!* (пора нам показаться – спрячемся!). И спрятались, объявив постыдную войну, вызванную империалистической жаждой наживы, справедливой борьбою за существование немецкого народа. Существование существованию рознь. Существование хищника не похоже на существование мирного человека. А Германия выступила именно в роли хищника.

«*Sie sind zu spät gekommen*», – говорил когда-то Энгельс по адресу немецких буржуа. В его устах это значило, что средний класс Германии неспособен довести до конца свою политическую борьбу с юнкерством. Это было верно. Названная борьба закончилась компромиссом между юнкерством и буржуазией. В области экономической политики этот компромисс ознаменовался покровительственными пошлинами на продукты сельского хозяйства, – введенными в интересах юнкеров, – и такими же пошлинами на продукты обрабатывающей промышленности, установленными для охраны интересов промышленной буржуазии! Теоретик покровительственной системы Фридрих Лист доказывал, что она необходима для развития производительных сил страны, но лишь до поры до времени. Когда производительные силы достигнут известной высоты, полезно и нужно перейти к свободе торговли. Современные германские «капитаны промышленности» иначе относятся к покровительственной системе. Производительные силы Германии поднялись теперь на огромную высоту. Но «капитаны», объединившиеся в предпринимательские синдикаты, и слышать не хотят об отмене покровительственного тарифа. Они

пользуются им, во-первых, для того, чтобы охранять от иностранной конкуренции внутренний рынок Германии, а во-вторых, для того, чтобы под его прикрытием завоевывать иностранные рынки. Известно, как это делается. Покровительственный тариф, ослабляющий иностранную конкуренцию на внутреннем рынке, позволяет синдикатам продавать за границей германские товары гораздо дешевле, чем в самой Германии. Так совершается мирное завоевание иностранных рынков. Но производительные силы передовых капиталистических стран растут так быстро, что мирное завоевание иностранных рынков не всегда удовлетворяет их потребность в сбыте. Отсюда – указанное Каутским и австрийской Кассандрой стремление передовых промышленных стран силой обеспечить себе преобладающее экономическое влияние в тех или других аграрных областях.

Стремление это еще дальше усиливается тем, что руководящее значение в жизни передовых капиталистических стран все более и более приобретает теперь финансовый капитал, по самой природе своей гораздо более склонный к авантюрам, нежели промышленный.

Резолюция лондонской социалистической конференции говорит, что ответственность за совершенную войну падает на все европейские правительства, так как все они вели империалистическую политику. Это так. Все передовые капиталистические государства повинны в империализме новейшего рода. Однако и тут надо различать. Ошибся бы тот, кто вообразил бы, что все капиталистические страны в одинаковой мере прибегают к насилию. Нет, тут между ними немалая разница. Может быть, даже г. Невский слышал, что, например, английский империализм сильно отличается в этом отношении от германского. Не говоря уже о том, что области, подчиненные Англии, пользуются гораздо большей экономической и политической свободой, нежели области, в которых «культура» насаждается немецким «бронированным кулаком», германский империализм вообще гораздо воинственнее английского. Это обуславливается, конечно, не свойствами германской расы, а тем простым историческим обстоятельством, что германский капитализм «пришел слишком поздно». Вспомните, что говорила австрийская Кассандра: «На земном шаре уже нет свободных земель; поэтому мы должны взять Балканы, раскрывавив голову тому, кто вздумал бы противиться этому».

Но если германский империализм воинственнее всякого другого, то ясно, что он более, нежели всякий другой, угрожал европейскому миру. Очень жаль, что Лондонская конференция не отметила этого в своей резолюции.

Европейский пролетариат заинтересован в сохранении мира. Поэтому он не может оставаться равнодушным к вопросу о том, какое государство больше и чаще других грозит нарушить мир. А когда угроза становится действием, когда то или другое государство, повинувшись корыстолюбию своих империалистов, начинает войну, тогда против него должно быть направлено негодование сознательного пролетариата всех стран.

Мы с вами, товарищ, знаем, какие именно страны явились разрушителями мира: это превосходно разъяснил нам Vorstand германской с.-д. партии.

Но вы, может быть, все-таки не представляете себе во всем их объеме тех экономических и политических последствий, которые повело бы за собою поражение «союзников», т. е. Франции, России, Англии и проч.

В разговоре с великобританским посланником в Берлине Гошэном, германский канцлер, желая подвинуть Англию к сохранению нейтралитета, уверял его, что Германия не стремится к территориальным приобретениям на счет Франции. Гошэн спросил: считает ли Германия возможным отнятие у Франции ее колоний? На это канцлер ответил уклончиво, чтобы оставить за собой свободу действий.

Оно и понятно: отнятие у Франции ее колоний входило в планы Германии. Но вопреки тому, что сказал Бетман-Гольвег Гошэну даже в том, что касалось Франции, планы эти были несравненно шире, нежели присвоение французских колоний. В сентябре прошлого года, когда немцы были твердо уверены в своей победе, они собирались продиктовать Франции следующие условия мира.

Франция уступает Германии все свои колонии, со включением Марокко, Туниса и Алжира; она уступает ей также более четверти своей территории в Европе с населением более 15 миллионов душ; она уплачивает ей золотом десять миллиардов франков; она заключает с ней торговый договор, на основании которого в течение двадцати пяти лет германские товары беспошлинно ввозятся на ее территорию, причем, однако, Франция не получает такого же права по отношению к Германии; после двадцати пяти лет входит в силу Франкфуртский торговый договор 1871 г.; в течение двадцати пяти лет во Франции прекращается призыв граждан к отбыванию воинской повинности; Франция разрушает все свои крепости; она доставляет Германии три миллиона ружей, три тысячи пушек и сорок тысяч лошадей; в течение двадцати пяти лет Германия пользуется во Франции (без взаимности) правом патентов; Франция разрывает свой союз с Англией и Россией и заключает на двадцать пять лет союз с Германией*.

Если бы осуществился этот план жадных германских акул, то пришлось бы воскликнуть: *Finis Galliae!*

Как вы думаете, товарищ, могли ли французские социалисты отказаться защищать свою страну, когда Германия готовила ей этот конец! И не грешат ли непростительным грехом против права каждого народа на существование**, не говорят ли дикого и преступного вздора те наши обскуранты, которые не хотят примириться со вступлением Гэда и Самба в министерство?

Обскуранты старательно разогревают ту мысль анархистов (известного оттенка), что поражение любой капиталистической страны вредно отразится только на интересах ее буржуазии. Опять вздор! Если бы германские акулы сожрали французскую республику, то от этого больше всего пострадало

* См. статью: «Il problema della Pall» в «Il Secolo», XIX за 28 апреля 1915 г.

** Права, признанного в нашей программе.

бы именно трудящееся население Франции. Французские буржуа, – точнее: французские капиталисты, – сумели бы приспособиться и к германскому игу. Известно, что и до войны значительная часть французского капитала работала в германских предприятиях*.

Вы, конечно, предполагаете, что в той части французской территории, которая отошла бы к Германии, у населения остались бы по крайней мере права по имуществу согласно обычаю, установившемуся во всем цивилизованном мире. Ошибаетесь. Одной из составных частей «Великой Цели», преследуемой германскими империалистами, было обезземеление жителей тех территорий, которые были бы отняты у побежденных Германией стран**. Добродушные немцы находили, что Франция даже выиграет, благодаря осуществлению этого гениального плана, так как ее население станет гуще вследствие прилива в нее жителей из уступленных ею Германии провинций.

Что касается нас, русских, то германские империалисты очень кстати вспомнили, какую большую роль играло переселение на новые места во внутренней истории нашей родины. Одержав победу над Россией, Германия присвоила бы себе русскую Польшу, жители которой были бы переселены в Россию. В свою очередь Россия очистила бы для изгнанных из Польши поляков несколько своих губерний. Это было бы нетрудно для нее в силу только что упомянутой привычки россиян к переселениям на новые места***.

Интересная подробность: согласно этому плану Германия никоим образом не должна брать на себя odium обезземеления жителей тех местностей, которые она завоюет на Западе и на Востоке. Это гнусное дело должно быть совершено самими побежденными странами прежде, чем им дарованы будут блага мира. Значит, Россия уступила бы Германии не Польшу, а более или менее обширную пустыню, которую прежде населяли поляки и которая теперь русскими руками будет приготовлена для поселения в ней немецких завоевателей.

Finis Poloniae!

Излишне гадать о том, какой великолепный торговый договор подарили бы нам наши великодушные победители. Вы легко можете представить себе это и после того, что сказано выше о проекте договора с Францией.

Татарское иго замедлило наше экономическое, а с ним и все культурное развитие. Оно вызвало к жизни наш политический порядок. Немецкая по-

* См. Lysis'a: «Les capitalistes français contre la France» и его же: «Contre l'oligarchie financière en France».

** Das ist das grosse Ziel: nicht lediglich eine Kriegsentschädigung im Baargeid sondern vornehmlich eine Kriegsentschädigung auch in Landeigentum! (см. С. 35. брошюры *Arthur'a Dix'a*: «Der Weltwirtschaftskrieg», изданной с благословения Georg'a Irmer'a, Karl'a Lamprecht'a (!) и T. von List'a (!) в серии – «Zwischen Grieg und Frieden».

*** *Dix A. Der Weltwirtschaftskrieg. С. 33–41.*

беда остановит наше экономическое развитие, положит конец европеизации России и увековечит этот старый порядок,

Для увековечения старого порядка достаточно будет того политического союза с Германией, который навяжут нам победители.

Finis Rutheniae!

Конец России! Всей той России, которая трудилась и мыслила, страдала и боролась за лучшее будущее, – боролась с изменниками, погромщиками и реакционерами.

И наши обскуранты хотят, чтобы я оставался равнодушным ввиду такой перспективы? За кого же принимают они меня?! Я еще не определялся на службу к акулам германского империализма; я еще не вступал в «Союз освобождения Украйны». Россия принадлежит своему трудящемуся населению. Кому дороги интересы этого населения, тот не может быть равнодушен к судьбам России.

IX

«Не защищать свою страну от немецкого нашествия, а делать революцию должны мы в нынешнее роковое время!»

Так говорят некоторые мои противники. Но революция предполагает революционизирование общественных отношений. Это целый процесс.

Война бывала иногда матерью революции. Но всякий раз, когда революция рождалась в муках войны, она была плодом разочарования народа в способности его правительства защитить страну от неприятеля. Горе мнимым революционерам, направляющим свою агитацию вразрез с естественным и неизбежным стремлением народа дать отпор внешнему врагу! Все их усилия заранее осуждены на постыдную и – что еще хуже – вполне заслуженную неудачу.

Акулы германского империализма говорят таким циничным языком, что к нему никак не могут привыкнуть даже самые... расчетливые немецкие социал-демократы. Так, Шейдеман не одобряет языка Пааше. Он дает понять, что его единомышленники в с.-д. партии не желают насильственных территориальных присоединений. Это может быть и так. Но тут особенно уместно опять повторить с Бернштейном: когда двое говорят одно и то же, это – не одно и то же. Когда я слышу, что т. Шейдеман «пламенно» отвергает мысль о насильственных территориальных присоединениях, я говорю себе: «Он боится, что Эльзас и Лотарингия будут присоединены к Франции. О судьбе Бельгии и занятых немцами губерний русской Польши вряд ли очень заботится т. Шейдеман»*.

Да если бы и заботился, толку из этого вышло бы немного. Германские социал-демократы охотно помогали тем, которые выпускали против нас хищ-

* Часть немецкой социал-демократии питает наивную уверенность в том, что население Эльзаса и Лотарингии желает остаться в германском подданстве. И это после всем еще памятных волнений в Цаберне!

ного зверя. А теперь они успокоительно и великодушно говорят нам: «поверьте, мы не желаем, чтобы он вас растерзал». Но в таком случае зачем же было выпускать его из клетки?

Притом вопрос не только в насильственных присоединениях. Как сообщила «L'Humanité», пресловутый Зюдекум, говоря против территориальных присоединений, заметил, что Германия может вознаградить себя торговыми договорами. Что правда, то правда! Очень и очень может. Et cela promet...

Стыдно сказать, а грех утаить: многие германские социал-демократы заражены духом империализма. Вдумайтесь в поведение Зюдекума или прочтите брошюры Гейниша, Ленша и Кунова. Наибольшего внимания заслуживает этот последний. Кунов – не только образованный, а прямо ученый человек. Он с успехом применял метод Маркса в области этнологии и вообще был последовательным марксистом. И вот теперь этот ученый и последовательный марксист, ссылаясь на историческую необходимость, доказывает*, что восставать против империализма могут только утописты; марксисты же должны использовать его в интересах рабочего класса. Это значит вот что: германские социал-демократы помирятся с тем, что Германия так или иначе подчинит себе известные страны с целью их экономической эксплуатации; но при этом их партия добьется уступки германскому рабочему классу некоторой части завоеванной добычи.

Это возвращает меня к вашему письму. Вы ошиблись, сделав из моей брошюры тот вывод, что пролетариат каждой страны заинтересован в торжестве империализма. Но вы правы, поскольку пролетариат Германии и отчасти Австро-Венгрии извлек бы известную выгоду из победы империализма. И вот у вас, по-видимому, возникает вопрос: не ошибся ли Маркс? Не является ли крах Второго Интернационала в то же время и крахом материалистического объяснения истории или, по крайней мере, научного социализма?

Противники Маркса скажут (и говорят): «Конечно, – является». – Что пишет В. Чернов? Он пишет: закройте Маркса и откройте Михайловского, к которому полезно присовокупить В. Чернова, так как покойник все-таки поустарел.

Но страшен сон, да милостив Бог: обойдемся и без Михайловского, а также – и еще того легче! – без В. Чернова.

Если Германия победит, то она создаст, на счет побежденных народов, исключительно выгодное положение для своей промышленности. Такое исключительное положение, несомненно, принесет известные выгоды германскому пролетариату. Положение известных слоев английского рабочего класса было сравнительно недурно в течение того периода, когда Англия пользовалась господством на всемирном рынке. Т[ов] Кунов знает это и потому настаивает на «исторической необходимости» империализма. Знают это и все остальные гер-

* См. его брошюры: «Parteizusammenbruch» и его полемику с Каутским в «Neue Zeit», вызванную этой брошюрой.

манские социалисты-империалисты. А рабочий класс более или менее смутно догадывается об этом – и храбро дерется «за существование Германии». Это так.

Пока английский рабочий класс чувствовал себя в исключительно выгодном положении, он не имел никакого сочувствия «к диким планам (Wild schemes) континентального социализма», как выражались некоторые его вожаки. Если Германия победит, и если в карманы немецких рабочих перепадет некоторая часть добычи, то германский социализм будет «пересмотрен» (ревизован) дотла, и германские социал-демократы заговорят таким языком, которого мы до сих пор и не слыхивали. И конечно, это будет крайне печально. Правильно говорит Евангелие: «Соль – добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее? Ни в землю, ни в навоз не годится»...

Соль германской земли потеряет свою силу и не будет годиться ни в навоз, ни в землю. Однако ведь и это не опровергнет материалистического объяснения истории. Напротив, это подтвердит его, так как лишний раз покажет, что не бытие определяется сознанием, а сознание – бытием.

Но из того, что сознание определяется бытием, еще не следует, что бытие определяет сознание пролетариата в сторону социалистического идеала. Так как дух империализма проник в среду немецкого пролетариата, то «критики» Маркса скажут, пожалуй: объективная логика общественного развития ведет пролетариев всех стран совсем не туда, куда хотел их вести Маркс; она заставляет их не объединяться между собою, а вести взаимную борьбу на жизнь и смерть за всемирный рынок.

Вы, т. Н-ов, предвидите это возражение «критиков Маркса»: оно как будто смущает вас, и вы хотите знать, как я думаю о нем.

X

Я думаю вот как.

То обстоятельство, что Маркс верно определил отношение бытия к сознанию в ходе исторического развития, – т. е. правильность материалистического объяснения истории, – действительно еще не ручается за торжество международного социализма. Чтобы оно явилось ручательством за него, необходимо доказать предварительно, что объективные условия, воспитывающие современный пролетариат в духе интернациональной солидарности, сильнее, нежели те, под влиянием которых в нем возникают иногда национально-эгоистические вожелания. Но доказать это не так трудно, как кажется критикам Маркса,

Немецкий пролетариат поддался искушению тех выгод, которые сулят ему торжество германского империализма. Стало быть, – умозаключаете вы, – экономический интерес заставил его повернуться спиной к международному социализму. Ваш вывод правилен. Однако не надо преувеличивать его значение.

В малом размере и в несколько иной общественной обстановке то, что мы увидели на примере немецкого пролетариата, повторяется перед нами чуть не каждый день, нимало не подрывая нашей веры в будущее торжество социализма. Возьмем тех рабочих, которых немецкие социал-демократы клеймят названием Streickbrecher'ов.

Изменяя своим товарищам, Streickbrecher'ы, конечно, получают известные выгоды. Но что же из этого? Их измена нимало не устраняет противоположности интересов наемного труда и капитала, а потому и не вырывает почвы из-под ног социалистической партии. Чем дальше подвигается вперед экономическое развитие нынешнего общества, тем яснее сознает пролетариат свое положение в нем, тем лучше организует он свои силы и тем глубже возмущают его действия Streickbrecher'ов. А чем глубже возмущают его их действия, тем реже они становятся. Неудовольствие рабочих против тех своих товарищей, которые изменяют общественному делу, само обуславливается экономикой нынешнего общества. И в то же время оно служит одним из самых могучих средств самовоспитания пролетариата.

Печальное явление обыденного Streickbrecher'ства отнюдь не колеблет основательности научного социализма. Не колеблет ее и еще более печальное явление того Streickbrecher'ства des grossen Stils, которое практиковалось когда-то верхними слоями английского рабочего класса, а теперь будет, пожалуй, практиковаться пролетариатом Германии.

Исключительное положение, которым пользовался английский пролетариат в то время, когда Англия господствовала на всемирном рынке, замедлило процесс развития его классового самосознания. Но оно не остановило развития самосознания пролетариата в остальных капиталистических странах. Именно в это время возник Интернационал, положивший в основу своей «внешней политики» простые законы нравственности и права. Есть ли основание думать, что исключительное положение германского пролетариата, которое было бы создано победой Германии, повсюду остановило бы распространение идей Интернационала? – Нет.

Конечно, если победит Германия, то Европе придется плохо, а в европейском социализме «властителями дум» станут на время Зюдекумы, Гейниши, Гейне, Кварки, Шейдемань и пр., им подобные товарищи. Но кроме Европы есть Америка, есть Азия, в которых капитализм делает быстрые успехи. Победа Германии, бесспорно, замедлит распространение идей социализма даже и в других частях света, но остановить его совершенно она не может по той же причине, по которой она не может повернуть назад колесо экономического развития.

Если те выгоды, которые получит германский пролетариат от своего колоссального Streickbrecher'ства, сделают его слепым по отношению к общему интересу пролетариата в его всемирном целом, то ведь этот интерес не перестанет существовать. А если он не перестанет существовать, то не перестанет и проникать в умы пролетариев других частей света, – если же уже суждено европейскому социализму замереть в железных лапах германских империали-

стов, — сознание той истины, что они не могут освободиться иначе как посредством дружного объединения своих усилий на почве международной солидарности. А чем сильнее будет проникать в умы рабочих это сознание, тем больше будут они возмущаться как малым, так и большим Streickbrecher'ством. И это их возмущение будет служить не только средством дальнейшего воспитания тех из них, которые не повинны в Streickbrecher'стве, и страдают от него, но также и средством отрезвления тех, которые его практикуют.

Да и может ли быть очень продолжительным Streickbrecher'ство германского пролетариата? Вполне ли был основателен (gründlich) тот «расчет», которым определилось нынешнее поведение «большой» с.-д. партии? Есть выгоды, и выгоды. Прочны ли те, которые приобретаются посредством Streickbrecher'ства?

Некоторые слои английского рабочего класса получили выгоду от того исключительного положения на всемирном рынке, которым пользовалась Англия в течение известного периода. Но за эту выгоду английский пролетариат заплатил слишком дорогой ценой. Она замедлила развитие его классового сознания, т. е. ослабила его позицию в борьбе с господствующими классами. Нынешнее положение английского пролетариата далеко не так благоприятно, как оно могло бы быть, если бы в развитии его самосознания не произошло указанного замедления. В последнем счете он гораздо больше проиграл, нежели выиграл от своего исключительно выгодного положения. То же будет и с германским пролетариатом, если осуществляться планы германских империалистов. Это — с экономической стороны. А с политической оно обстоит еще хуже для германского пролетариата.

Лет семнадцать тому назад Вольфганг Гейне, вдохновленный только что начавшимся тогда «пересмотром Маркса», выдумал формулу: «Kanonen gegen Volksrechte». Она означала, что социал-демократы будут голосовать военные кредиты, — дадут правительству пушки, — а правительство даст им за это «народные права». Эту формулу усвоил себе покойный Франк; ее усвоил себе Зюдекум; ее усвоило себе большинство германской социал-демократии. Наши немецкие товарищи дают своему правительству пушки, с помощью которых опустошаются Бельгия, Франция, Польша. И они доверчиво ожидают, что в обмен на пушки правительство одарит народ «правами». У них гора сваливается с плеч, когда они представляют себе, что теперь уже не нужно будет делать массовую стачку (которая портит организацию), например, для завоевания всеобщего избирательного права в Пруссии: право это будет дано им в награду за кровавый труд удушения Польши, Франции, Бельгии. Но они обманывают себя несбыточной надеждой. Пушки, данные германской социал-демократией немецкому императору, очень пригодны для угнетения других стран. Но не менее пригодными покажут они себя и в деле угнетения Германии.

Германские консерваторы уже теперь поговаривают, что не следует уступать требованиям демократии. А что мы услышим потом?

Рабочий класс Германии как будто уже начинает, — правда, только-только еще начинает, — сознавать, что его вожаки ошиблись в расчете. В его среде

возникает, – правда, только-только еще возникает, – оппозиция политике империалистического социализма. Надо надеяться, что германские правящие сферы сделают, со своей стороны, все возможное для упрочения и ускорения роста этой оппозиции.

Наконец, ведь мы еще не знаем, победит ли Германия. Твердое намерение пролетариата воюющих с ней стран бороться до конца позволяет думать, что на этот раз германскому императору не придется украсить себя лавровым венком. Весьма вероятное вмешательство Италии еще больше увеличит шансы избавления Европы от грозящего ей ига германского империализма. А вместе с этими шансами будет увеличиваться также и вероятность отрезвления немецких рабочих. Может быть, гораздо скорее, чем мы этого ожидаем, немецкие рабочие вспомнят золотые слова Маркса о том, что у пролетариата, сознавшего свой классовый интерес во всей глубине и во всей широте его истинного содержания, не может быть другой «внешней политики», кроме той, в основе которой лежат простые законы нравственности и права. Тогда они содрогнутся, представляя себе все те кровавые ужасы и все те дикие бесчинства, которыми ознаменовалось вторжение германских армий в соседние страны. Тогда они проклянут близорукую расчетливость господ «ревизионистов» и опят вернутся на почву Интернационала.

Сказать по правде, я не знаю, какая встреча предстоит германским социал-демократам на том международном съезде, который созван будет со временем для восстановления Интернационала. Вероятно, не весьма сердечная: ведь неприятно же пожимать руки, пахнущие кровью невинно убитых. Тут не помогут ни «ароматы Аравии», ни поздние сожаления. Но тут вполне уместно будет подчинение сердца рассудку. Ради своего великого дела Интернационал должен будет принять во внимание даже и запоздалые сожаления. Он должен будет сказать германскому пролетариату, как говорит у Байрона ангел Каину, выражающему раскаяние в убийстве Авеля:

«Что сделано, то сделано

Пусть дела Твои вперед не будут сходны с этим».

XI

Пролетариат каждой отдельной страны существенно заинтересован в том, чтобы давать сильный и своевременный отпор тем группам рабочих, которые ради своих частных выгод изменяют своему классу. Точно так же всемирный пролетариат существенно заинтересован в том, чтобы давать своевременный и сильный отпор рабочему классу той или другой отдельной страны, – в данном случае Германии – когда он поступает вопреки требованиям международной пролетарской солидарности. И чем яснее будет всемирный пролетариат сознавать не только свою конечную цель, но и условия, необходимые для ее достижения, тем энергичнее и методичнее станет его борьба с Streickbrecher'ами большого масштаба. Таким образом, борьба эта послужит мерой успехов его самовоспитания.

Скажу откровенно: тактика, которой социалисты нейтральных стран держались в течение последней войны, показала, что процесс самовоспитания всемирного пролетариата пока еще не подвинулся так далеко, как этого можно было желать и ожидать.

Наглядный пример. В конце прошлого года один из самых видных и заслуженных представителей итальянского социализма отстаивал в парламенте тактику итальянской социалистической партии в военном вопросе. При этом он сказал между прочим, что если бы Италия находилась в положении Бельгии, то все итальянские социалисты сочли бы себя обязанными защищать свою страну; но ей не грозит неприятельское нашествие, и потому они требуют, чтоб она оставалась нейтральной. Допустим, что это было правильно с точки зрения интересов итальянского народа, хотя совершенно ясно, что германская победа даже и Италию поставила бы в весьма невыгодное положение. Но я спрошу: где же международная солидарность? Неужели социалисту позволительно было вспомнить о Бельгии исключительно только для иллюстрации того соображения, что «наша (итальянская. — Г. П.) хата с краю»*.

При чтении иных социалистических органов нейтральных стран меня часто поражало сильно заметное в них желание непременно сохранить нейтральность даже в отзывах о действиях воюющих стран. Желание это приводит подчас к результатам поистине комичным. Когда социалистический нейтралитет quand même видит себя вынужденным осудить то или другое кровавое бесчинство германской армии, он для равновесия спешит прибавить, что и французская армия ведет себя не лучше. При этом он забывает, что французская армия ведет войну не на чужой, а на своей собственной территории и уже по одному этому лишена возможности сжигать чужие города, грабить население враждебной страны и т. п.

Старый интернационалист Ван-Коль резко протестовал в голландской социалистической газете «Het Volk» против позиции таких нейтралитетов. Он спрашивал, почему социалист должен молчать, когда его чувство справедливости оскорбляется нарушением международного права и уничтожением международных договоров, как это было в Бельгии. «Неужели, — говорит он, — мы не должны выражать свои симпатии угнетенным только для того, чтобы щадить угнетателей? Кто в подобных настоящим случаях не протестует всеми силами души, тот сам становится участником преступления, несет на себе ответственность за совершаемые жестокости и может быть обвиняем в нравственной распушенности. Подумайте об этом, чтобы не переусердство-

* Моя статья была уже написана, когда состоялось историческое заседание итальянского парламента (20 мая). Устами Турати «официальные» и итальянские социалисты заявили, что они требуют нейтральность, повинаясь чувству международной солидарности. Странно! Если я остаюсь «нейтральным» при виде того, как один человек душил другого, то я, может быть, солидарен с душителем, но уж совсем не солидарен с душимым.

вать в стремлении сохранить нейтралитет, который может только повредить международному социализму*.

Об этом действительно стоит подумать. Товарищи, сохраняющие нейтралитет между угнетателями и угнетенными, наверно, очень почтенные люди. Но эти, – наверно, очень почтенные, – люди ставят себя в совсем непочтенное положение тех нейтральных ангелов, о которых говорит Данте в третьей песне своего «Inferno» и которые не восставали против бога, но и не были верны ему:

Degli angeli che non furon ribelli
Ne fur fideli a Dio...

Этих нейтральных ангелов не принимал ни рай, ни ад. По словам руководителя Данта, Виргилия, ими не стоило и заниматься:

Misericordia e giustizia gli stegna
Non ragioniam d'ilor, ma guarda e passa**.

Такое положение совсем недостойно международных социалистов, которые должны громче, нежели кто-нибудь, кричать против угнетателей и энергичнее, нежели кто-нибудь, отстаивать «внешнюю политику», основанную на простых законах нравственности и права.

Кровопролитие – жестокое и страшное дело. Нет ничего естественнее желания прекратить его, т. е. способствовать заключению мира. Но это желание не должно делать нас несправедливыми. Когда угнетенный вступает в борьбу с угнетателем, тогда требовать заключения мира между ними – значит мириться с угнетением.

К сожалению, рабочий класс нейтральных стран еще недостаточно уяснил себе это. Но то, что еще неясно понимается им теперь, будет понято им впоследствии. Процесс самовоспитания всемирного пролетариата еще не закончился. Необходимо помнить это, отмечая те, несомненно, достойные сожаления, ошибки и слабости, которые сделаны или проявлены рабочим классом нейтральных стран в течение нынешней войны. Будем надеяться, что скоро он сам заметит их и окажется на высоте призвания ко времени созыва будущего международного социалистического съезда.

Но как бы там ни было, а война показала нам совсем не то, что международный социализм не имеет под собою твердой почвы, а только то, и именно то, что всемирному пролетариату надо еще усердно поработать над самовоспитанием. Кто считал его самовоспитание законченным, тот был утопистом, – хотя, может быть, сто раз на день клялся Марксом, – и тот, разумеется, может

* Речь. 1915. 1 (14) апреля. № 88.

** «Ими пренебрегает и правосудие, и милосердие. Не будем говорить о них: посмотри и иди мимо».

теперь поколебаться в своих убеждениях. Скажу больше: поколебавшись в них, он покажет, что и ему не чужда логика. А кто свободен от фантастики утопизма, — всегда состоят и это в близком родстве с субъективизмом, — тот на основании опыта военного времени скажет себе одно: сделанное социал-демократами до сих пор оставило глубокий след в умах рабочих всех цивилизованных стран.

Но то, что сделано, оказалось недостаточным ни для предупреждения войны, ни для выведения пролетариата нейтральных стран на правильную тактическую дорогу. Это значит, что нужно удвоить, утроить, учетверить усилия и постараться сделать их гораздо более планомерными, чем они были до сих пор. Вот только и всего!

Может быть, наша конечная цель дальше от нас, нежели мы думали. Если это в самом деле так, то нам непременно придется считаться с этим в своей тактике. Но все-таки это ровно ничего не говорит против достижимости нашей конечной цели. Будем же работать, помня, что до Палестины удалось добраться не тем крестоносцам, которые по своему невежеству при виде каждого нового города готовы были кричать: «Иерусалим! Иерусалим!», а тем, которые знали географию.

Плеханов Г. В. О войне. Пг., 1915. С. 34–85.

Маслов П. П.

ВОЙНА И ДЕМОКРАТИЯ

I

Мировая война захватила демократию всех европейских стран совершенно неподготовленной. Эта неподготовленность явилась не столько результатом неожиданности войны, сколько результатом непродуманности тех положений, которые считались до войны общепринятыми. Поясню это одним примером. Наиболее демократические требования в области военной организации сводятся к требованию введения милиции вместо постоянных армий. Это требование было общепризнанным, как наиболее целесообразное при существовании капиталистического строя. Но назначение милиции должно было заключаться не только в парадировании перед обывателями, но и как наиболее целесообразное орудие *самозащиты* страны против нападения другой страны. То есть демократия считала самозащиту страны от нападения одной из своих задач. Очевидно также, что стремление заменить постоянную армию милицией вытекало из желания устранить завоевательные стремления, которые связаны с милитаризмом.

Принцип самозащиты от внешнего политического или экономического гнета настолько глубоко укрепился в умах демократии, что даже германское пра-

К стр. 149. «письмо П. Кропоткина, совершившее триумфальное шествие по органам алармистской печати». См. письмо П. А. Кропоткина и комментарий к нему в предыдущей части нашего сборника (с. 41–42). Алармистская печать – пресса, распространяющая слухи, вызывающие тревожные настроения.

– «Декларация Керенского». 26 июля 1914 г. А. Ф. Керенский на историческом заседании Государственной думы зачитал декларацию трудовой группы. См.: Речь. 1914. 27 июля (9 августа). № 198.

К стр. 150. «...выступление рабочего представительства в Думе является светлым лучом, прорезавшим окутавший демократию туман военных настроений». Речь идет об уже поминавшемся нами выступлении В. И. Хаустова с «Декларацией социал-демократических депутатов IV Государственной думы».

Плеханов Г. В. Еще раз о войне. Второе письмо болгарскому социалисту

Если первое письмо было адресовано болгарскому социалисту Захарию Петрову, то второе от 25 апреля (8 мая) 1915 г. предназначалось Нусинову.

К стр. 150. Эпиграф к письму

Der eigentliche Obskurantismus ist nicht,
dass man die Ausbreitung des Wahren,
Klaren, Nützlichen hindert, sondern,
dass man das Falsche in Kurs bringt.

Goethe

Настоящий обскурантизм не препятствует
Распространению истинных, ясных и полезных идей,
А пропагандирует ложные.

Гете Вольфганг. Избранные афоризмы и мысли с предисловием
проф. Т. Б. Сандерса. СПб., 1903. С. 17.

К стр. 151. «чернильная война с лягушками». Первый раз Г. В. Плеханов публично процитировал выражение В. Г. Белинского (1811–1848) «чернильные войны» в своей речи, произнесенной весной 1898 г. по случаю 50-летия со дня смерти Белинского (см.: Плеханов Г. В. Сочинения / под ред. Д. Б. Рязанова. Т. X. М.; Пг., 1924). С тех пор возвращался к этому неоднократно. В данном случае он присовокупил к выражению Белинского напоминание о лягушачьих войнах с мышами в пародийной древнегреческой поэме «Батрахомноммахия».

К стр. 152. Франц Иосиф I (1830) – из династии Габсбургов, император Австрии и король Венгрии с 1848 г. В 1867 г. преобразовал австрийскую империю в двуединую монархию Австро-Венгрию. Один из организаторов Тройственного союза 1882 г.

К стр. 153. «Какой, с божьей помощью, поворот!» – с нем. «Welche Wendung durch Gottes Führung». Часто встречается в сатирах М. Е. Салтыкова-Щедрина («Письма к тетеньке», «Сказка», «В среде умеренности и аккуратности и др.»).

– «большие партии не вольны, как маленькие. Социал-демократия стала большой партией в Германии и Австрии, и вот ей приходится рассудку сердце подчинять». Плеханов мастерски приспособляет пушкинские строки из «Русалки» к своим рассуждениям против утверждения Бернштейна, что «в этом заключается обратная сторона увеличения парламентской силы партии». Однако одновременно это являлось и уходом от предметного

обсуждения вопроса о ценностях массовой парламентской партии и возможностях приспособления ее к условиям легальности.

К стр. 154. «не человек для субботы, а суббота для человека». Библия. Евангелие от Марка. Глава 2-я. Ст. 23–27: «Суббота для человека, а не человек для субботы».

К стр. 156. «Известный Домела Ньевенгайс, благополучно прибывший впоследствии в гавань анархизма». В 1896 г. на Лондонском конгрессе *Ньювенгейс* был исключен из рядов II Интернационала за открытый переход к анархизму.

– «*На эрфуртском съезде германской (тогда уже довольно-таки большой) партии*». Съезд состоялся в октябре 1891 г.

К стр. 158. «лицемерие есть первая уступка, делаемая пороком добродетели». У французского писателя-моралиста *Ларошфуко (la Rochefoucauld) Франсуа* (1613–1680) – «лицемерие – это дань уважения, которую порок платит добродетели».

– «*Мне писали, что один мой противник (из самых “видных”!), читая реферат о войне на собрании русской колонии в Женеве, воскликнул: под влиянием войны старый материалист Плеханов сделался идеалистом; он призывает теперь к законам нравственности и права*». Вероятно, речь идет о выступлении В. И. Ленина 1 (14) октября 1914 г. в Лозанне, через два дня после выступления в этом городе Г. В. Плеханова. Текст реферата не сохранился, но, судя по отчету газеты «Голос», Ленин характеризовал эти плехановские представления как «детски-наивные». См.: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 26. С. 31.

– «*первый манифест Первого Интернационала*» – см. написанный К. Марксом Учредительный Манифест I Интернационала. Он был принят как Устав Международного Товарищества Рабочих 1 ноября 1864 г. Манифест завершался утверждением, «что простые законы нравственности и права, которыми определяются взаимные сношения отдельных лиц, должны также стать высшими законами, определяющими взаимные отношения народов».

– «*Г[осп]. А. Луначарский, передавая в одной из женевских корреспонденций свой разговор с Роменом Ролланом, сообщал, что знаменитый писатель отметил перед ним следующую отрицательную сторону социалистической пропаганды: “Мне кажется, что некоторые, безусловно, передовые группы человечества недооценивают понятия права и значения правового чувства...”*» Информация об этом замечании Ромена Роллана, которое он сделал во время встречи с Луначарским в Женеве в марте 1915 г. содержалась в одной из статей Луначарского, опубликованной в «Киевской Мысли», 1915. 13 и 14 марта, № 72, 73. *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933) – один из активнейших участников революционного движения в России с юношеских лет, большевик с 1904 г. После поражения первой российской революции пришел к идее «богостроительства, сформулировав основные ее положения в ряде статей и двухтомнике «Религия и социализм». С началом Первой мировой войны занял интернационалистские позиции. *Роллан (Rolland) Ромен* (1866–1944) – французский общественный деятель, писатель, музыковед, лауреат Нобелевской премии 1915 г.

К стр. 159. «я не кантианец и не люблю опираться на Канта». *Кант (Kant) Иммануил* (1724–1804) – немецкий философ и ученый, основоположник немецкой классической философии.

К стр. 160–161. «человек есмь, и ничто человеческое не чуждо мне» (лат. Homo sum, humani nihil a me alienum puto) – фраза из комедии «Самоистязатель» римского писателя *Теренция (Terentius) Публия* (ок. 195–159 до н. э.), которая является переделкой комедии греческого писателя *Менандра* (ок. 343 – ок. 291 до н. э.).

К стр. 161. «Речь председателя съезда Джоуэта». Один из лидеров Независимой рабочей партии Великобритании Джоуэт (Jowett) Фредерик Уильям (1864–1944) – член парламента в 1906–1918, 1922–1924 и 1929–1931 гг.

– «ближе к точке зрения Л. Толстого, чем к воззрениям Маркса». Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – великий русский писатель.

К стр. 162. «Фейербах говорил: “Vulgus non distinguit” – (лат.: «Толпа не различает»). Фейербах (Feuerbach) Людвиг Андреас (1804–1872) – немецкий философ.

К стр. 162–163. «В лице какого-то Невского издающаяся в Америке русская газетка “Новый Мир” с большим огорчением поведала своим читателям, что я сделал непростительную ошибку». О ком идет речь, установить не удалось.

К стр. 165. «один австрийский империалист, выступающий под псевдонимом: “Кассандер” (Кассандра)». О ком идет речь, установить не удалось.

– «В итальянском парламенте Джюлиотти во всеуслышание рассказал, что уже в 1913 г., когда эрцгерцог был здоровехонек, Австро-Венгрия осведомлялась, поддержит ли ее Италия в замышленном ею нападении на Сербию». Джюлиотти (Giolitti) Джованни (1842–1928) – лидер итальянских либералов, с 1882 г. – член парламента, в 1889–1890 гг. – министр финансов, в 1892–1921 гг. неоднократно был премьер-министром Италии.

К стр. 168. «Теоретик покровительственной системы Фридрих Лист». Лист (List) Фридрих (1789–1846) – экономист, предприниматель, профессор Тюбингенского университета, автор книги «Национальная система политической экономии».

К стр. 170. «В разговоре с великобританским посланником в Берлине, Гошэном». Гошен (Goschen) Джордж Иоахим (1831–1907) – английский экономист и политический деятель.

К стр. 172. «Шейдеман не одобряет языка Пааше» Шейдеман (Scheidemann) Филипп (1865–1939) – один из лидеров правого крыла германской социал-демократии, с 1911 г. – член ее правления, депутат рейхстага (с 1903 г.); Пааше (Raasche) Герман (1851–?) – депутат рейхстага, национал-либерал, глава треста «Дейче фильминдустри акциенгезельшафт».

– К примечанию Г. В. Плеханова «Часть немецкой социал-демократии питает наивную уверенность в том, что население Эльзаса и Лотарингии желает остаться в Германском подданстве. И это после всем еще памятных волнений в Цаберне!». Имеется в виду ноябрьский 1913 года Цабернский инцидент (массовые выступления против гнета прусского депотизма в Эльзасе). См: Ленин В. И. Цаберн // ПСС. Т. 24. С. 184–186.

К стр. 173. «Et cela promet...» (фр.) – И это обещает...

– «прочтите брошюры Гейниша, Лениша и Кунова». Гейниш (Haenisch) Конрад (1876–1925) – немецкий социал-демократ, публицист, депутат прусского ландтага, редактор журнала «Die Clocke» («Колокол»); Ленц (Lensch) Пауль (1873–1926) – немецкий социал-демократ, перед войной представитель левого крыла партии, с началом войны резко сдвинулся вправо, стал главным редактором «Deutsche Allgemeine Zeitung»; Кунов (Gupow) Генрих (1862–1936) – профессор, этнограф, историк, социолог, социал-демократ, редактор теоретического органа Германской социал-демократической партии «Die Neue Zeit».

– «откройте Михайловского». Речь идет о Михайловском Николае Константиновиче (1842–1904) – русском публицисте, литературном критике, социологе, народнике.

К стр. 174. «Соль – добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее? Ни в землю, ни в навоз не годится». Библия. Евангелие от Луки. Гл. 14. Ст.: 34–35.

К стр. 175. Гейне (Heine) Вольфганг (1861–1944) – адвокат, член социал-демократической партии, в 1898 г. избирался в рейхстаг, но вскоре был лишен мандата за отказ от участия в политической демонстрации, организованной социал-демократами. Был сотрудником журнала «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). После ноябрьской революции 1918 г. в Германии – министр юстиции, а в 1919–1920 гг. – министр внутренних дел правительства Пруссии. С 1920 г. отошел от политической деятельности. В 1933 г. эмигрировал в Швейцарию.

– Кварк (Quarck) Макс (1860–1930) – немецкий правый социал-демократ, юрист, публицист.

К стр. 176. «*Kanonen gegen Volksrechte*» (нем.) – Пушки против прав народа.

К стр. 177. «как говорит у Байрона ангел Каину, выражающему раскаяние в убийстве Авеля». Речь идет о драматической мистерии «Каин» Джорджа Ноэла Гордона Байрона (Byron). (1788–1824) – английского поэта, пэра Англии, с 1809 г. члена палаты лордов. Каин – в библейской мифологии старший сын Адама и Евы, земледелец, убивший из зависти брата Авеля, «пастыря овец». Проклят Богом за братоубийство и отмечен особым знаком («Каинова печать»).

К стр. 178. «В конце прошлого года один из самых видных и заслуженных представителей итальянского социализма, отстаивал в парламенте тактику итальянской социалистической партии в военном вопросе». Речь идет о Турати (Turati) Филиппо (1857–1932) – одном из организаторов (1892 г.) Итальянской социалистической партии, члене парламента с 1896 г.

– «старый интернационалист Ван-Коль». Ван Коль (Van Kol) Генрих (1851–1925) – один из основателей (1894 г.) и лидеров Голландской социал-демократической партии.

К стр. 179. «люди ставят себя в совсем непочтенное положение тех нейтральных ангелов, о которых говорит Данте в третьей песне своего “Inferno” и которые не восставали против бога, но и не были верны ему...Этих нейтральных ангелов не принимал ни рай, ни ад. По словам руководителя Данта Виргилия, ими не стоило и заниматься». Автор «Божественной комедии» Данте Алигьери (Dante Alighieri) – (1265–1321) – совершал свое путешествие по загробному миру под «руководством», как писал Плеханов, величайшего поэта Древнего Рима Виргилия. Правильнее – Вергилий – лат. Publius Vergilius Maro – (70–19 до н. э.). Из уважения к Вергилию Данте поместил его в «Чистилище».

Маслов П. П. Война и демократия

Это лишь одна из статей Маслова по данной проблеме, но именно она легла в основу отдельной брошюры под таким названием, вышедшей в Москве в том же 1916 г., а затем вошедшей отдельной главой в книгу: Итоги войны и революции. М., 1918, чем и объясняется наше внимание к ней.

К стр. 181. «статья Алексинского о провокациях в “Современном Мире”». См.: Алексинский Г. О провокации // Современный Мир. 1915. № 3. С. 50–64.

– Н. Н. Суханов в статье «Мысли и дела» («Современник», апрель 1915 г.), «обзывая» сторонников самозащиты страны «сторонниками войны» и «националистами», легкомысленно берет на себя чрезвычайно смелую задачу внести в демократию разделение по новому признаку, по отношению к войне». Маслов неверно называет статью Суханова, она называлась «Перевал» и была размещена в рубрике «Мысли и дела» (Суханов Ник. Перевал // Современник. 1915. № 4. С. 198–217).